

Жозеф Кессель

ЦЕЛИТЕЛЬ

Лимбус Пресс
Санкт-Петербург

ОБ АВТОРЕ

Жозеф Кессель (1898–1979) – французский писатель, сценарист и журналист. Его родителями были врач Самуил Кессель, литовский еврей, получивший медицинское образование в университете Монпелье, и уроженка Оренбурга Раиса Леск, также учившаяся в Монпелье. В конце XIX века в Аргентине обществом барона де Гирша были организованы еврейские сельскохозяйственные поселения. Семья эмигрировала в Аргентину. Там, в колонии Вилья-Клара, и родился будущий писатель. В 1905 году семья переезжает в Россию и до 1908 года живет в Оренбурге, затем перебирается во Францию. Жозеф Кессель учится в Ницце, затем в Париже, в лицее Людовика Великого. Примерно тогда же, в 1915 году, он начинает свои первые литературные опыты – пишет очерки во французских журналах. В 1916 году в возрасте 18 лет он поступает добровольцем во французскую армию и принимает участие в боевых действиях на фронте Первой мировой войны сначала в артиллерии, затем в авиации. В 1918 году он записывается во французский

экспедиционный корпус и участвует в интервенции на Дальнем Востоке. Эта часть его биографии послужила основой для воспоминаний «Смутные времена. Владивосток 1918–1919», опубликованных в 1975 году. После возвращения во Францию Жозеф Кессель оканчивает филологический факультет Парижского университета и целиком посвящает себя литературной деятельности – в Париже выходит его сборник новелл «Красная степь» и первый роман «Экипаж», посвященный авиаторам, который принес ему успех как беллетристу. В 1922 году Кессель сотрудничает с русской эмигрантской газетой «Последние новости», издаваемой в Париже Павлом Милюковым, и пишет для нее несколько очерков на русском языке.

В начале Второй мировой войны Жозеф Кессель работает военным корреспондентом, но после поражения Франции он нелегально переходит французскую границу в Пиренеях, эмигрирует в Англию вместе со своим племянником Морисом Дрюоном, также ставшим впоследствии известным писателем, и присоединяется к движению Сопротивления под руководством Шарля де Голля. В Лондоне Жозеф Кессель присоединяется к силам «Свободной Франции», служит в авиации и принимает непосредственное участие в боевых действиях. В 1943 году в соавторстве с Морисом Дрюоном и певицей русского происхождения Анной Марли он написал французский текст знаменитой «Песни партизан», ставшей неофициальным гимном Сопротивления.

После окончания войны Жозеф Кессель возвращается во Францию, активно работает как журналист и писатель и много ездит по миру. Его книга «Земля огня» (1948) посвящена становлению государства Израиль, а «Сыны невозможного» (1970) – истории Шестидневной войны.

Многие произведения Кесселя были экранизированы, в т. ч. роман «Дневная красавица» (1928), известный по фильму Луиса Бунюэля, и «Армия теней» (1943) – о движении Сопротивления во Франции.

Роман «Целитель» (оригинальное французское название *Les mains du miracle*) был издан в 1960 году издательством Gallimard.

В 1962 году Жозеф Кессель был избран членом Французской академии.

Он скончался в 1979 году в Париже. А в 1991 году во Франции была учреждена престижная премия в области литературы, присуждаемая «книге высокой литературной ценности, написанной на французском языке», носящая его имя.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Любому человеку, сколько-нибудь интересовавшемуся историей Второй мировой войны и холокоста, прекрасно известны имена Праведников народов мира – польской медсестры Ирены Сендлер, спасшей сотни детей из Варшавского гетто, или промышленника Оскара Шиндлера, дипломатов Рауля Валленберга и Чиунэ Сугихара, благодаря которым остались живы тысячи людей. Но вклад так и не получившего звание Праведника народов мира личного врача Гиммлера Феликса Керстена в спасение многих человеческих жизней не менее значителен.

История, описанная в этой книге, может показаться читателю совершенно невероятной. Имя одного из главных героев романа знают все, кто хоть раз обращался к истории Второй мировой войны или хотя бы смотрел военные фильмы. Ближайший соратник Гитлера Генрих Гиммлер*, рейхсфюрер СС и один из самых чудовищных злодеев в мировой истории, на со-

* См. комментарий переводчика на с. 341.

вести которого миллионы загубленных человеческих жизней, военный преступник, пытавшийся бежать после взятия Берлина советскими войсками и арестованный союзниками, в мае 1945 года покончил с собой и тем самым смог избежать правосудия. Еще до начала войны Гиммлер, страдавший болями в животе необъяснимого происхождения, с которыми не могли справиться ни обычные врачи, ни даже сильнодействующие средства обезболивания, был вынужден прибегнуть к услугам мануального терапевта.

Второй и главный герой романа – доктор Феликс Керстен, финский гражданин голландско-немецкого происхождения, владевший искусством мануальной терапии и тибетского массажа, во время войны занял важное место в ближнем круге Гиммлера, стал его личным врачом и приобрел на него существенное влияние. Более того, Гиммлер даже считал его своим другом и «исповедником» – Керстен тщательно скрывал свои антинацистские взгляды. Все пять лет, проведенных рядом с Гиммлером, он сначала понемногу, по одному-двое, затем десятками и сотнями вытаскивал людей из лагерей и спасал от неминуемой смерти. Хорошо известно, что в самом конце войны Гитлер хотел уничтожить концлагеря вместе с еще оставшимися в живых узниками. Керстену удалось получить у Гиммлера обязательство не выполнять этот приказ, и даже более того – у него получилось усадить за стол переговоров клинического, убежденного антисемита Гиммлера и представителя Всемирного еврейского конгресса. «Белый автобус»*, широко известная операция шведского Красного Креста по спасению узников концлагерей, также была организована с помощью Керстена и позволила вырвать из нацистских лап более 15 000 человек. В результате, как установила

* См. комментарий переводчика на с. 342.

в 1947 году шведская секция Всемирного еврейского конгресса, «рискуя собственной жизнью, Керстен спас 100 000 человек разных национальностей, в том числе около 60 000 евреев». По другим источникам, Керстену обязаны жизнью еще больше – около 350 000 узников концентрационных лагерей.

Безусловно, предлагаемая читателю книга – не исторический источник, а художественное произведение, в котором восприятие автора играет первостепенную роль. В частности, описанная в одной из глав история с предотвращенной Керстеном депортацией голландского населения в Польшу вряд ли имеет под собой основания. Историки оспаривают само существование этого плана – слишком много несовпадений в датах и документах. Но тем не менее случаев гуманитарной деятельности Феликса Керстена, подтвержденных самыми серьезными документами и показаниями свидетелей, достаточно, чтобы его имя было не забыто.

Совсем недавно, в 2021 году, во Франции вышла книга историка Франсуа Керсауди под названием «Список Керстена. Праведник среди демонов»*, где подробно разбираются все известные случаи спасения людей доктором Феликсом Керстеном. Согласно выводам Керсауди, подавляющее большинство описанных событий оказалось чистой правдой. Эта книга была переведена на несколько европейских языков, но русского, к сожалению, среди них пока нет.

ЛЮБОВЬ ШЕНДЕРОВА-ФОК

* *Kersaudy F.* La liste de Kersten. Un juste parmi les démons. Paris: Fayard, 2021. Здесь и далее, если не указано иное, – примечания переводчика.

ПРОЛОГ

Гиммлер покончил с собой недалеко от Бремена* в мае 1945 года – тогда, когда опустошенная и истерзанная Европа смогла наконец вздохнуть свободнее.

Казалось бы, если просто посчитать годы, это было совсем недавно**. Но так много воды утекло, за это время произошло столько важных событий, как будто бы прошло много-много лет. Выросло поколение, для которого эти проклятые времена – всего лишь смутные и далекие воспоминания. Но даже тем, кто прекрасно осознавал, что происходит, кто сам пережил ужасы войны и оккупации, трудно себе представить, какой бесконечной и чудовищной властью обладал тогда Гиммлер.

* 21 мая 1945 года Гиммлер был арестован союзниками недалеко от Бремена и отправлен в следственный лагерь под Люнебургом, недалеко от Гамбурга. Там он назвал свое настоящее имя. При медицинском осмотре он раскусил находившуюся во рту ампулу с цианидом.

** Роман был написан в 1959 году.

Только представьте...

Немецкая армия оккупировала Францию, Бельгию и Голландию, Данию и Норвегию, Югославию, Польшу и половину европейской части России. На всех этих территориях (не считая собственно Германии, Австрии, Венгрии и Чехословакии) он обладал абсолютной властью над гестапо, частями СС, концентрационными лагерями – контролировал все, вплоть до рациона заключенных. У него была своя собственная полиция и армия, разведка и контрразведка, собственные тюрьмы, опутавшие Европу своей паутиной, свои организации спекулянтов, свои урочища для охоты и массовых жертвоприношений. Его задачей было следить, травить, затыкать рот, арестовывать, пытаться и казнить миллионы и миллионы людей.

От Ледовитого океана до Средиземного моря, от Атлантики до Волги и Кавказа все были в его власти. Гиммлер был государством в государстве: государством доносов, инквизиции, пыток, бесконечно множасьихся смертей.

Над ним был только один начальник – Адольф Гитлер. Гиммлер исполнял даже самые грязные, самые отвратительные, самые нелепые его приказы – слепо, радостно, набожно. Ибо он обожал и боготворил его свыше всякой меры. Гитлер был его единственной страстью.

Блеклый и бесцветный, как отставной школьный учитель, не признававший ничего, кроме догм и строгих правил, он не знал ни сильных чувств, ни страстных желаний, ни слабости. Для счастья ему было вполне достаточно быть непревзойденным техническим исполнителем массовых расправ, величайшим инквизитором и серийным убийцей, которого когда-либо знала история.

А между тем нашелся один человек, который в течение всех этих проклятых лет – с 1940 по 1945 год – неделя за неделей, месяц за месяцем вырывал жертв из рук фанатичного и бесчувственного палача. У этого человека получилось заставить Гимmlера всемогущего, Гимmlера безжалостного избавить целые народы от ужасов депортации. Он лишил печи крематориев заметной части обещанного им рациона трупов. Этот человек – один, безоружный, почти пленник – заставил Гимmlера хитрить, жульничать, обманывать своего хозяина Гитлера, предать своего бога.

Еще несколько месяцев назад я ничего об этом не знал. Первым в общих чертах мне рассказал эту историю Анри Торрес*. Также он сказал, что один из его друзей, Жан Лувиш, хорошо знаком с Керстеном и может устроить с ним встречу. Я, конечно, согласился.

Но, должен признаться, несмотря на речательства самого знаменитого адвоката того времени и одного из самых крупных специалистов в области международного права, эта история показалась мне более чем сомнительной. Она звучала безумно и совершенно невероятно.

Я только уверился в этом ощущении, когда увидел перед собой дружелюбного толстяка с ласковым взглядом, благодушной улыбкой и манерами, присущими человеку, привыкшему получать от жизни удовольствие. Это и был доктор Феликс Керстен.

«Ну надо же, – подумал я. – Не может быть. Этот человек – против Гимmlера?»

Однако мало-помалу, не знаю как и почему, я почувствовал, что эта спокойная, массивная, предельно доброжелательная фигура излучает некую тайную силу, которая заставляет успокоиться и прийти в себя.

* См. комментарий переводчика на с. 342.

Я заметил, что его взгляд, несмотря на ласковость и дружелюбие, решителен и необычайно пронизателен, а чувственный рот – тонок и энергичен.

Да, в этом человеке была какая-то необыкновенная внутренняя твердость. Власть.

Но даже если и так, все равно, Гиммлер – и глина в его руках?

Я посмотрел на руки Керстена. Это их воздействием, как мне говорили, объяснялось чудо. Доктор часто держал их сплетенными на объемистом животе. Кисти были широкими, короткопалыми, мясистыми, тяжелыми. Даже неподвижные, они обладали собственной жизнью, разумом, твердостью.

Я все еще не мог поверить, но уже не был так категоричен. Тем временем Жан Лувиш провел меня в другую комнату, где на столах и стульях повсюду были навалены папки, газетные вырезки, отчеты, фотографии.

– Вот документы, – сказал он. – По-немецки, по-шведски, по-английски, по-голландски.

Я попятился, увидев эту грудку бумаг.

– Не беспокойтесь, я отложил самые короткие и самые показательные, – сказал Лувиш, указав мне на отдельную связку.

Там было письмо принца Бернарда Нидерландского, где он многословно восхвалял Керстена и где говорилось, что за свои заслуги доктор награжден высшим орденом Голландии – Большим крестом ордена династии Оранских-Нассау.

Там были фотокопии писем Гиммлера, в которых он соглашался отдать Керстену человеческие жизни, о которых тот просил.

Там было предисловие к воспоминаниям Керстена на английском языке, написанное Хью Тревором-Ропером*, профессором из Оксфорда, специалистом

* См. комментарий переводчика на с. 343.

по современной истории и одним из крупнейших исследователей деятельности британских спецслужб в отношении Германии во время войны. Он писал:

На первый взгляд эта история кажется совершенно невероятной, но она прошла самые тщательные проверки. Ее изучали юристы, ученые и критически настроенные политики – истина каждый раз торжествовала над скептиками.

Когда я вернулся в гостиную, у меня кружилась голова. Все оказалось правдой – подкрепленной доказательствами, не подлежащей никакому сомнению: этот толстяк, этот добродушный доктор, похожий на фламандского бургомистра или на восточного будду, заставил Гиммлера спасти сотни тысяч человеческих жизней! Но как? Почему? Каким невероятным чудом? Недоверие уступило место безграничному любопытству.

Постепенно – деталь за деталью, воспоминание за воспоминанием – недоверие уходило. Я провел за разговорами с Керстеном много дней, расспрашивая и выслушивая.

Несмотря на неопровержимые доказательства, которые были у меня перед глазами, в некоторые из рассказанных им эпизодов я все еще поверить не мог. Это не могло быть правдой. Это было просто невозможно. Мои сомнения не удивляли и не шокировали Керстена. Видимо, он привык... Он просто с улыбкой вынимал очередное письмо, документ, свидетельство, копию. Опять приходилось согласиться, как и со всем остальным.

Глава первая
УЧЕНИК ДОКТОРА КО

1

Керстены были состоятельными буржуа и со времен Средневековья производили прекрасную фламандскую парусину, однако большое наводнение, разорившее Голландию около 1400 года, смыло с лица земли их фабрики и мастерские.

После случившейся катастрофы Керстены переехали в немецкий Гёттинген. Там они снова занялись тем же ремеслом и восстановили свое состояние. В 1544 году, когда Карл V посетил этот город, Андреас Керстен занимал должность члена муниципального совета. Император оценил его заслуги по достоинству и хотя и не даровал ему дворянство, но все же пожаловал ему герб – две скрещенные балки, увенчанные рыцарским шлемом и усыпанные французскими лилиями.

Семья благополучно прожила в Гёттингене еще сто пятьдесят лет. Но потом все уничтожил пожар, и на этот раз они разорились окончательно.

Подходил к концу XVI век. Надо было заселять Бранденбург. Суверен этих мест маркграф Иоганн Сигизмунд подарил Керстенам сто гектаров земли. Они стали фермерами и еще двести лет работали на полях. Когда XIX век подходил к концу, а Бранденбург превратился всего лишь в одну из провинций Германской империи, Фердинанд Керстен в расцвете лет погиб под копытами бешеного быка – на той самой земле, когда-то дарованной маркграфом его геттингенскому предку.

Вдова, оставшись почти без средств к существованию и с большой семьей на руках, продала ферму и поселилась в соседнем городке, где, как ей казалось, растить детей будет легче.

Ее младший сын Фредерик, будущий отец нашего героя, стал агрономом. Так как своей земли у них больше не было, он искал работу. Место управляющего нашлось в Лифляндии, которая в те времена принадлежала царской России. Ему пришлось покориться судьбе, теснившей семью все дальше и дальше на восток.

2

Огромное имение в Лифляндии, которым предстояло руководить Фредерику Керстену, называлось Луня. Его хозяином был барон фон Нолькен. Сословия, к которому он принадлежал, больше нет, но в те времена в Восточной и Центральной Европе таких семей было много. Магнаты и бароны – владельцы гигантских земельных угодий размером с целые провинции, беспечные прожигатели жизни – оставляли свое имущество в руках управляющих и уезжали за границу тратить свои огромные доходы.

Фредерик Керстен был кристально честен и обладал таким богатырским здоровьем, что, прожив на свете де-

вяносто один год, не проболел ни дня. Всю свою силу и порядочность он полностью отдал тому, что было его единственной страстью, – работе на земле. Он мог бы еще долго управлять помещьем в отсутствие хозяина. Но ему по делам приходилось часто ездить в Юрьев, главный город провинции, известный своим старинным университетом, и там он познакомился с дочерью начальника почты Ольгой Штубинг и увлекся ею. Привязанность оказалась взаимной, они поженились. Он оставил службу у барона фон Нолькена и занялся приумножением собственности своей жены и тестя. У них было небольшое имение в окрестностях Юрьева и три дома с большими садами в самом городе.

Фредерик Керстен и Ольга Штубинг были очень счастливы.

Молодая жена была необычайно добра. Почти каждый день она приглашала к себе, лечила и кормила детей из бедных семей. Те, кто в чем-либо нуждался, привыкли в трудную минуту обращаться к ней за помощью. В округе хорошо знали, что она простым массажем лучше всяких докторов могла вылечить мелкие переломы, невралгию, ревматизм и боли в животе. Когда люди удивлялись, как это у нее получается, хотя она нигде не училась, она скромно отвечала: «Это у меня от природы, я унаследовала дар от матери».

3

Ранним утром 30 сентября 1898 года Ольга Керстен родила сына. У него был очень примечательный крестный – посол Франции в Санкт-Петербурге. Высокопоставленный дипломат увлекался сельским хозяйством, а агроном Фредерик Керстен часто приезжал в столицу по делам имения – так между ними завязались дружеские отношения. Президентом Франции в то время

был Феликс Фор. В его-то честь крестный-посол и назвал крестника Феликсом.

Первые годы малыш рос в атмосфере доброты, нежности, честности и здравомыслия. Свойственные русским семьям доброта и радушие прекрасно сочетались с несомненными добродетелями и умеренностью старой Германии.

Что же касается города, где подрастал мальчик, то он был прекрасен, как на гравюрах былых времен. Дома были деревянные, неоштукатуренные, сложенные из толстых бревен. Каменные фасады были только на Николаевской улице, названной так в честь правившего царя. Там по воскресеньям катались роскошные экипажи, запряженные великолепными лошадьми, в теплое время года – ландо и открытые коляски, зимой – сани, укрытые меховой полостью. Юрьев стоит на реке Эмбах, которая впадает в озеро Пейпус. Когда река замерзала, там катались на коньках. Гитлеристы и студенты, в форменных фуражках и мундирах, не жалея сил, вились вокруг румяных от мороза гимназисток, носивших, как и повсюду в России, одинаковые коричневые платья с передниками.

Юрьев был административным центром всей провинции. Губернатор, чиновники, члены городского совета и полицейские своим гостеприимством, простодушием и взяточничеством больше всего напоминали персонажей гоголевского «Ревизора» или «Мертвых душ». Длиннобородые купцы, с массивными затылками, скрипучими сапогами и необычным говором, казалось, вышли из пьес Островского. Проходя мимо собора, мужики непременно плюхались на колени. А во время крестных ходов вся Святая Русь блистала иконами и облачениями возглавлявшего эти шествия православного духовенства. Семьи были большими,

праздники – частыми, двери держали нараспашку, а столы – накрытыми.

В этом архаичном, медлительном и беспечном мире, полном лени и щедрости, жизнь ребенка – конечно, при условии, что он принадлежал к зажиточному классу и не имел никакого представления о чудовищной бедности народа, – была волшебной и радостной.

Самыми запоминающимися событиями в беззаботной жизни маленького Феликса Керстена были благотворительные вечера, где пела его мать (за чудесный голос и музыкальную одаренность ее прозвали «лифляндским соловьем») и где он тайно объедался сладостями. Были еще каникулы на море в Териоках, в Финляндии; подарки на день рождения, на Рождество, на Пасху...

Однако его благоденствие омрачали недостаточные успехи в школе. Он не был бездарным, но ему не хватало внимания и усердия. Учителя говорили, что ничего серьезного из него не выйдет. Он был небрежен, все время о чем-то мечтал и слишком любил вкусно поесть.

Его отец, трудившийся без устали, не мог с этим смириться. Он решил, что в семье с сыном обходятся слишком мягко. Когда мальчику исполнилось семь лет, его отослали в пансион в ста километрах от Юрьева. Там он без особого успеха провел пять лет, после чего уехал в Ригу, которая славилась высоким уровнем образования и строгостью преподавателей. Там Феликс Керстен с большим трудом, но окончил все-таки среднюю школу.

В начале 1914 года отец отправил его в Германию, в знаменитую сельскохозяйственную школу, которая находилась в земле Шлезвиг-Гольштейн, в городке Йенфельд.

Через шесть месяцев Феликса Керстена настигла Первая мировая война. Он вдруг оказался отрезан от России и своей семьи. Однако ему недолго пришлось об этом жалеть. Немцев в балтийских губерниях, на границах империи, было так много и они так тщательно берегли свои корни, что царское правительство им совершенно не доверяло. Тысячи семей были высланы в Сибирь и Туркестан. Родители Керстена не стали исключением. Местом их жительства на все время войны стала крошечная деревушка, затерянная где-то на унылом берегу Каспийского моря.

Феликс Керстен, которому тогда было всего шестнадцать лет, оказался отделен от семьи воюющими армиями и огромными расстояниями. Он остался один – без всякой помощи и поддержки. Настал момент истины.

До сих пор этот толстый мальчик – любитель вкусно поесть, беспечный мечтатель – плохо понимал ту страсть, с которой относился к работе его отец. Однако теперь, повинувшись инстинкту самосохранения, он в один миг понял и принял эту добродетель. С этого момента она станет главным двигателем всей его жизни.

Через два года он получил в Йенфельде диплом инженера-агронома и отправился на стажировку в одно из имений в Ангальте. Немецкие власти не чинили никаких препятствий студенту, отцом которого был немец, – его считали подданным императора Вильгельма II. Но, кроме прав, были еще и обязанности. В 1917 году Феликсу Керстену предстояло пойти в армию.

Сам он был крупным и плотным, двигался спокойно и осмотрительно, а рассуждал здраво. Он ценил немецкую работоспособность, методичность, немецкую музыку и культуру, но прусский милитаризм, военная

форма, а главное, помешанные на дисциплине и шовинистически настроенные офицеры и унтера были ему отвратительны. К тому же к России своего детства он тайно испытывал ностальгическую нежность. Воевать против нее ему претило – да еще по причинам, которые ему совсем не нравились. В результате он нашел что-то среднее, вернее сказать, компромисс.

Большие конфликты в Европе, грозившие расшатать сложившийся порядок, давали малым нациям, поглощенным великими империями, надежду, а порой и шанс обрести свободу. Чтобы получить свободу, маленькие народы иногда помогали тем, кто угрожал их хозяевам. Например, во время Первой мировой войны чехи дезертировали, чтобы сражаться на стороне России против своих угнетателей – австрийцев. А финны, наоборот, сформировали в Германии добровольческий легион, чтобы освободиться от владычества русских. В него Феликс Керстен и записался.

Тем временем в России вспыхнула революция. Царской армии больше не существовало, и страны Балтии взялись за оружие, чтобы сражаться за свою независимость. Финны послали свои военные части на помощь эстонцам. Там оказался и Феликс Керстен, ставший к тому времени офицером финской армии. Он дошел до Юрьева, своего родного города, который после освобождения стал называться по-эстонски – Тарту. Там он с радостью встретился с родителями, которые вернулись домой с берегов Каспия после заключения Брестского мира. Это было в 1919 году.

Его мать по-прежнему была добра и великодушна. Отец был все так же крепок и готов работать без усталости, хотя ему было уже почти семьдесят лет. Аграрные реформы новой эстонской власти, направленные на расширение прав крестьян, он воспринял философски, хотя у него отобрали почти всю его собственность.

– У меня осталось еще довольно много земли – чтобы обрабатывать в одиночку, вполне хватит, – с улыбкой сказал он сыну, когда тот уезжал обратно в полк, продолжавший сражаться с Красной армией.

Феликс Керстен провел всю зиму на болотах, без крыши над головой. В результате он заработал ревматизм, лишивший его возможности ходить, и вынужден был на костылях отправиться в военный госпиталь в Хельсинки.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА